

## Негативное отношение к врачу в обществе в начале становления медицины как культурного комплекса

**Алла Андреевна Бушля**

Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия

**Аннотация.** В статье рассматриваются примеры негативного отношения к врачу из литературных источников: инвективы Франческо Петрарки XIV века (художественный, документальный, исторический и мемуарный жанры литературы) и пьеса Жана-Батиста Мольера «Мнимый больной» XVII века (художественный жанр литературы). Основное внимание уделяется содержанию претензии пациента к врачу: в чем авторы обвиняют врача, в чем видят его изъяны. Негативное отношение пациента к врачу выражается в таких проявлениях, как обвинение в невежестве, скрытом бесполезными красивыми речами, обвинение в действиях напоказ, нелепых предписаниях, в сознательной, приносящей вред лжи, в противоречивости и пустых обещаниях, в жадности и погоне за выгодой, в угодничестве, лести и подхалимстве, лицемерии, в требовании полного подчинения, стоящем на первом месте желании заработать. Кроме того, в статье проводится попытка найти объективные причины, увидеть культурно-историческую обусловленность такого отношения пациента к врачу. В результате проведенного анализа и сравнения обвинений в двух источниках автор статьи замечает, что, при наличии различия в тональности обращения к читателю, многие обвинения двух авторов поразительно совпадают, несмотря на то, что их разделяют три века. В заключении автор делает вывод о том, что эти обвинения являются отражением тех возникших в самом начале становления медицины как культурного комплекса проблем во взаимоотношениях пациента и врача, которые мы можем наблюдать и в настоящее время. Дальнейшее исследование этих проблем позволит более детально проследить историю генезиса отношений врача и пациента, что сможет послужить объяснением многих этических проблем и в современной медицине.

**Ключевые слова:** история медицины, этика отношений, врач, пациент, художественная литература, истоки пациентского негативизма

Статья поступила 20.04.2024; принята к публикации 22.06.2024; опубликована 20.11.2024.

Review

doi: <https://doi.org/10.19163/2070-1586-2024-17-2-16-20>

## Negative attitude towards a doctor in society at the beginning of the formation of medicine as a cultural complex

**Alla A. Bushlia**

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

**Abstract.** The article examines examples of negative attitudes towards a doctor from literary sources: the invectives of Francesco Petrarch of the XIV century (artistic, documentary, historical and memoir genres of literature) and the play by Jean-Baptiste Moliere "Imaginary Patient" of the XVII century (artistic genre of literature). The main attention is paid to the content of the patient's claim to the doctor: what the authors accuse the doctor of, what they see his flaws in. The patient's negative attitude towards the doctor is expressed in such manifestations as the accusation of ignorance hidden by useless beautiful speeches, the accusation of ostentatious actions, ridiculous prescriptions, conscious, harmful lies, inconsistency and empty promises, greed and the pursuit of profit, obsequiousness, flattery and sycophancy, hypocrisy, the demand for complete submission, the desire to earn money in the first place. In addition, the article attempts to find objective reasons, to see the cultural and historical conditionality of such a patient's attitude to the doctor. As a result of the analysis and comparison of the accusations in the two sources, the author of the article notes that, if there is a difference in the tone of the appeal to the reader, many of the accusations of the two authors are strikingly identical despite the fact that they are separated by three centuries. The author concludes that these accusations are a reflection of those arising at the very beginning of the formation of medicine as a cultural complex in the relationship problems between the patient and the doctor, which we can observe at the present time. Further investigation of these problems will allow us to trace in more detail the history of the genesis of the doctor-patient relationship, which can serve as an explanation for many ethical problems in modern medicine.

**Keywords:** the history of medicine, ethics of relationships, doctor, patient, fiction, the origins of patient negativism

Submitted 20.04.2024; accepted 22.06.2024; published 20.11.2024.

Отношение к врачу в обществе определяется смыслом медицинской профессии – помогать человеку исцелиться. «Врач – профессия благородная»: образ врача обусловлен профессиональной миссией и, как кажется, должен быть неким идеалом. Однако жизнь часто нас сталкивает с изнанкой образа.

Цель работы – рассмотреть примеры негативного отношения к врачу из истории, в чем общество обвиняет врача, в чем видит его изъяны. И главное, в чем причины негативного отношения пациента к врачу, актуализировавшегося, как это видно из рассмотренных нами литературных источников, уже в самом начале становления медицины как культурного комплекса.

Для достижения цели были рассмотрены два источника, в которых ярко раскрываются претензии пациента к врачу – это инвективы Петрарки XIV века и пьесы Мольера XVII века, принадлежащие разным видам литературы – эпистолярному и художественному, разделенные тремя веками, и при этом содержащие поразительно совпадающие по смыслу претензии и обвинения в сторону врача.

«Инвектива против врача» – это памфлет, написанный Ф. Петраркой в середине XIV века, в котором автор высмеял и обличил реального врача своего времени. По жанру литературоведы относят «Инвективы» одновременно к художественной, документальной, исторической и мемуарной литературе, а историки рассматривают их как прекрасный источник информации об отношении общества того времени к врачу [1]. В данной статье мы сосредоточимся на содержании обвинений, предъявляемых Петраркой врачу.

Петрарка несколько раз повторяет, что все сказанное им – «не против медицины» (ибо «какой здравомыслящий человек станет ее осуждать?») [2, с. 21], и не «против хороших врачей», которых «всегда мало, а в наш век особенно». Он направляет свою критику, против «говорящих... бред» [2, с. 26], и прикрывающих этим отсутствие настоящих знаний и профессиональных навыков. Для Петрарки врач выступает в роли агрессора, от чьей «противоречивой, переменчивой, ненадежной тирании» [2, с. 19] страдает все человечество. В чем конкретно обвиняет врача Петрарка?

Во-первых, в отсутствии знаний. По его представлению, вся слава медицины принадлежит древним врачам, а современники лишь прикрывают свое невежество и недостаток опыта красноречием и болтливостью. Петрарка сетует, что в его время сложно найти врача, «выдающегося не красноречием, а знаниями и честностью» [2, с. 18].

Легковеры, слушающие таких врачей, привлечённые обещаниями исцеления, получают «только

неуместные букеты бесполезного красноречия, когда нужны дела, а не слова» [2, с. 17].

Во-вторых, в противоречивости: обещают одно, случается другое. На противоречивость врачей «громко сетует весь человеческий род». По его словам, «...гибнут тысячи несчастных больных, доверившихся вашим услугам, страдая от противоречивой, переменчивой, ненадежной тирании врачей» [2, с. 19]. Ставит в вину врачам Петрарка и их «почти постоянную хворь»: обещая здоровье, сами они не обладают им. Тогда как еще со времен античности считалось, что «те, кто сами не имеют хорошего вида в своем теле, у толпы считаются не могущими иметь правильную заботу о других». Эта мысль зафиксирована в составленном в III веке до н. э. в Александрийской библиотеке Гиппократовом сборнике, который имел широкое распространение в средневековой Европе. «В большой толпе вас можно сразу узнать по бледности, и стало уже присловием говорить «лицо как у врача», когда видишь золотушного или чахоточного. Малое ли чудо – обещать другим здоровье, которого у самих нет?» [2, с. 22].

В-третьих, в сознательной лжи: «...среди вас ложь стала каждодневным и привычным делом» [2, с. 19]. Причём, имеет место самый тяжкий вид лжи – «совершенно сознательно и во вред обманутым» [2, с. 19].

В-четвертых, в жадности и погоне за выгодой.

В-пятых, в угодничестве, лести и подхалимстве. Врач – льстец и «назойливый подхалим, в погоне за низменной выгодой обхаживающий не только первосвященника, но и последнего бедняка» [2, с. 18]. Также Петрарка отмечает, что «сапожник часто без сапог»: врач своим видом наглядно демонстрирует свое мастерство, точнее, его отсутствие. Чаще всего он сам одержим многими болезнями и не в состоянии помочь себе своим же искусством. При том, что Петрарка постоянно оговаривается, что нападки его направлены против отдельных персонажей, а не против великого искусства, в споре он доходит до принижения этого искусства, сводя его к разглядыванию экскрементов.

Конечно, нужно учитывать, что в данном случае речь идет о придворной медицине, частной практике, главным преимуществом которой для профессионального развития врача была, конечно, материальная обеспеченность.

Стоит заметить, это не дает основание утверждать, что жадность была основным мотивом. Можно найти примеры, когда полученные средства врачи используют на благотворительность или на научные исследования. Так, Уильям Гильберт (1544–1603), чьи успехи в медицине способствовали его назначению на пост личного врача королевы Елизаветы Тюдор,

свои открытия в области магнитных и электрических явлений совершил во многом благодаря придворной службе: для опытов ему был доступен натуральный магнетит – дорогостоящий редкий минерал, позволить себе работать с которым мог далеко не каждый. В своей книге Гильберт пишет, что имел возможность сравнивать магнитные свойства руды со всего мира: из Китая, Сибири, Испании и других отдаленных от Англии мест [3]. Однако высокие доходы придворного врача едва ли можно считать реальными основаниями для обвинения средневекового врача в жадности: сложно сказать, что двигало врачами – желание принести облегчение больному или же получить материальную выгоду.

В рассуждениях Петрарка выходит на уровень философствования, ставя вопрос, кто на самом деле является истинным целителем, имея в виду, что человеческое здоровье находится в руках Бога. И это использует для того, чтобы обвинить врача в том, что тот попросту присваивает себе Его заслуги.

Комедии Мольера, как исторический источник, отличаются от инвектив Петрарки тем, что это художественное произведение. Образ врача в комедии – это вымышленный собирательный типический образ. Однако ценным является тот факт, что, создавая его, Мольер опирался на свои чувства, свое видение и мнения своих современников, обусловленные окружающей средой. Как и любой художник, Мольер выписывает образ, пропуская через себя реальные ситуации, факты, события, людей. Первое представление комедия Ж.-Б. Мольера «Мнимый больной» в театре Пале-Рояль было дано 10 февраля 1673 года. Комедия Ж.-Б. Мольера «Мнимый больной» пользовалась невероятным успехом, получая одобрение публики, что подтверждает актуальность затронутых вопросов для современников. Это увеличивает основания использовать комедию как источник информации о реальности преимущественно придворной медицины позднего средневековья.

В комедии мы наблюдаем столкновение двух образов медицины: так же как в инвективах Петрарки мы видим разрыв между идеальным образом медицины и реальным ее воплощением. С одной стороны, медицина как «истина, установленная всем миром и почитаемая на протяжении многих веков» (слова главного героя пьесы Аргана [4, с. 30]). С другой стороны, медицина как «самая большая глупость, придуманная людьми» (определение брата Аргана Беральда [4, с. 30]).

В комедии «Мнимый больной» автором тщательно выписаны три ярких образа представителей медицины того времени: врач господин Пургон (фамилия

происходит от французского *purger* – очищать желудок), врач господин Диафуарус и его сын, аптекарь господин Флеран.

В чем Мольер обвиняет врача? Обвинения мы слышим в основном из уст брата Аргана Беральда и его служанки Туанетты (образ служанки является «голосом народа» в пьесе).

Так же, как у Петрарки, мы можем встретить указание на невежество врача, скрываемое красноречием. По мнению Беральда, нет худшего лицемерия и большей нелепости, чем когда один человек берется вылечить другого, «потому что пружины нашего механизма – это тайна, в которой до сих пор люди никак не могут разобраться: природа опустила перед нашими глазами слишком плотные завесы, чтобы можно было через них что-либо разглядеть» [4, с. 30]. Доктора, по его мнению, знают гуманитарные науки, прекрасно говорят по-латыни, умеют назвать все болезни по-гречески, определить их и подразделить, но что касается того, чтобы вылечить их, – этого они не умеют. Знания, которыми они владеют, не очень-то помогают лечению. «Все их преимущество заключается в звонкой галиматее да в вычурной болтовне, которая выдает нам слова за дело и обещания за действительную помощь» [4, с. 30].

Между тем, красноречие скрывает истинный недостаток знания и помогает впечатлить пациента. Мастерское владение словом, умение убеждать, безусловно, является важным в образе хорошего врача. «Вот что значит наука! До чего же красно говорят ученые люди! ... Это просто чудо, если он так же прекрасно лечит, как и говорит», – восклицает Туанетта в ответ на речь сына господина Диафуаруса. Возлюбленный Анжелики Клеант добавляет: «...это замечательно и что если господин Диафуарус такой же хороший врач, как оратор, то быть его пациентом – одно удовольствие» [4, с. 20].

В комедии не раз высмеивается нелепость врачебных предписаний. Арган: «Доктор, а сколько крупинок соли нужно класть, когда ешь яйцо?» Господин Диафуарус: «Шесть, восемь, десять – чтобы всегда было четное число, а в лекарствах – всегда нечетные числа» [4, с. 25]. Нелепость медицинских предписаний доводится до абсурда в эпизоде, когда служанка Туанетта, переодетая врачом, советует Аргану отрезать руку, чтобы та не оттягивала к себе всю пищу и не мешала другой стороне получать питание, и выколоть правый глаз, чтобы левый глаз лучше видел. Интересно заметить к вопросу о полном доверии врачам и медицине, Арган, хоть и не соглашается на эти операции, однако, замечает, что «доктор действительно очень хороший» [4, с. 37].

Мы видим в пьесе элементы театрализованности самого процесса лечения при дворе. Понять эту особенность придворной жизни помогает исследование Марио Бьяджоли «Галилей – придворный», посвященное карьере Галилео Галилея (1564–1642) при дворе Медичи во Флоренции. Галилей начинал свой путь ученого на медицинском факультете Пизанского университета, проучившись там 3 года, но врачом он так и не стал, увлекшись геометрией, механикой, оптикой, математикой и астрономией [5]. Однако его жизнь в качестве придворного учителя позволяет увидеть обстановку, в которой мог работать врач. Анализируя отношения Галилея со своим патроном, Бьяджоли пытается понять причины некоторой театральности, с которой ученый был вынужден представлять себя и свои открытия. Так, Галилею приходилось отвечать на задаваемые ему вопросы «с остроумием, как того требовала придворная культура». От него ожидали участия в диспутах, которые устраивались за столом великого герцога в качестве послеобеденного развлечения. Для придворного досуга начала XVII века «значение имел не столько конечный результат, сколько видимость» [6].

Применительно к врачу это могло означать, что, помимо собственно врачебного мастерства, при дворе нужно было еще уметь правильно его «подавать», в соответствии с ожиданиями, традициями и ритуалами. Врач при дворе помимо своей прямой обязанности должен активно участвовать в придворном досуге. Он должен уметь красиво подать лекарства. Клизму, например, подать как изысканное средство, «хороший очистительный клистир из нацеленнейшего средства – ревеню, розового меда и прочего, согласно рецепту, чтобы облегчить, промыть и очистить кишечник вашей милости». Или, например, «успокоительное и снотворное прохладительное питье из настоя печеночной травы, чтобы заставить вашу милость уснуть», и «превосходное лекарство, послабляющее и укрепляющее, составленное из кассии, александрийского листа и прочего» [4, с. 29].

Не менее сложным ритуалом было измерение пульса. В пьесе обыгрывается распространенный в то время известный еще с античности метод постановки диагноза по пульсу. Тома Диафуарус, шупая Аргану пульс, находит его «жестковатеньким, непостоянным, немного скачущим», «что означает расстройство спланической паренхимы, то есть селезенки» (мнимонаучная диагностика недуга, данная в терминах средневековой медицины) [4, с. 25].

В комедии ярко подчеркнут один из аспектов отношений врача и пациента – оплата услуг. Лечение – дорогостоящее занятие. Комедия начинается с того,

как главный герой Арган проверяет счета своего аптекаря. «Что мне нравится в моем аптекаре, господине Флеране, так это то, что его счета составлены всегда необыкновенно учтиво: «... на утробу вашей милости – тридцать су». О том, что главная задача врача и аптекаря – получить прибыль, говорит Туанетта. В пьесе служанка прямо говорит обо всем, что считает глупостью: «Когда господин не думает о том, что делает, здравомыслящая служанка вправе его образумить». «Да, господин Флеран, однако недостаточно быть учтивым, надо также быть благоразумным и не драть шкуры с больных». По ее мнению, «господин Флеран и господин Пургон просто издеваются над вами. Вы для них – хорошая дойная корова» [4, с. 5].

И так же, как у Петрарки, мы встречаем вопрос: а может ли врач лечить? Если Петрарка отвечает на этот вопрос: единственный источник исцеления – Бог, то Мольер описывает эту первопричину всего существующего как Природа. По мнению Беральда, нет худшего лицемерия и большей нелепости, чем когда один человек берется вылечить другого, «потому что пружины нашего механизма – это тайна» [4, с. 30].

О степени близости автора пьесы к проблемам, поднимаемым в «Мнимом больном», свидетельствует тот факт, что Мольер, исполнявший роль Аргана, сам болел. Он скончался через несколько часов после четвертого представления этой комедии, 17 февраля 1673 г. При всей субъективности картины придворной медицины того времени в ней можно найти и отражение объективных процессов, таких, например, как изменение в отношении к вопросам веры и рационального доказательства, к авторитетам, к врачу и медицине в целом.

В чем обвиняет врача Мольер? Так же, как у Петрарки, мы видим обвинение в невежестве, скрытое красивыми речами, действиями напоказ, нелепыми предписаниями. Врач требует от пациента полного подчинения. И за всем этим – желание заработать.

Однако стоит отметить и разницу: если у Петрарки мы видим действительно гневные обвинения в сторону врача, то у Мольера это скорее высмеивание с желанием разобраться в причинах недостатков. Так, врач в комедии Мольера показан заложником системы медицинского знания, основанного на принципах подражания авторитетам, системы, к которой на первом месте среди качеств характера для врача – твердость в решениях и отрицание новшеств. Так, г-н Диафуарус гордится, что его сын «... тверд в споре, непоколебим в своих взглядах, никогда не меняет своих суждений и отстаивает то или иное положение, пользуясь всеми изворотами логики. Но особенно нравится мне в нем то, что, по моему примеру, он

слепо верит нашим древним учителям и не желает даже слушать о так называемых открытиях нашего века касательно кровообращения и о прочем тому подобном» [4, с. 20]. Исключение какого-либо творчества, заповедь строгого следования правилам и канонам – важный принцип врачевания. Господин Диафуарус заявляет: «Мы должны только соблюдать правила» [4, с. 21]. Вот образ средневекового врача, всецело полагающегося на мнение авторитетов и отрицающего все новое. Как, впрочем, и образ средневекового человека вообще, чья жизнь в традиционном обществе представляет собой постоянное повторение поступков, ранее совершенных другими [4, с. 21].

Таким образом, очевидно, что вопросы этики отношений врача и больного появляются вместе со становлением медицины как культурного комплекса, то есть еще в Средневековье. Понятие биомедицинской этики еще не существовало, но сама она уже формировалась. Очевидно, генезис отношений врача и пациента может служить объяснением многих этических проблем и в современной медицине.

#### Дополнительная информация

**Вклад автора.** Автор подтверждает соответствие своего авторства международным критериям ICMJE (все авторы внесли существенный вклад в разработку концепции, проведение исследования и подготовку статьи, прочли и одобрили финальную версию перед публикацией).

**Источник финансирования.** Автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

**Конфликт интересов.** Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

#### Additional information

**Author contribution.** All authors made a substantial contribution to the conception of the work, acquisition, analysis, interpretation of data for the work, drafting and revising the work, final approval of the version to be published and agree to be accountable for all aspects of the work.

**Funding source.** This study was not supported by any external sources of funding.

**Competing interests.** The authors declare that they have no competing interests.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бушля А.А. Образ врача Италии XIV века глазами современника (на примере «Инвектив» Франческо Петрарки) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 3. С. 267–276. doi: 10.22363/2312-8127-2019-11-3-267-276. Bushlia A.A. Image of doctor of Italy in the XIV century through the eyes of a contemporary (based on the example of "Invectives against a doctor" by Francesco Petrarch). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya = RUDN journal of world history*. 2019;11(3):267–276. doi: 10.22363/2312-8127-2019-11-3-267-276.
2. Петрарка Франческо. Инвектива против врача (перевод В. Бибикина) // Эстетика Ренессанса / сост. В.П. Шестаков. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 13–49.
3. Гильберт У. О магните / перевод с лат. А.И. Доватура. М.: Издательство АН СССР, 1956. 413 с.
4. Мольер Ж.-Б. Мнимый больной / перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник // Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. М., 1957.
5. Галилей Г. Избранные труды. В 2 т. Т. 1 / сост. У.И. Франкфурт. М.: Издательство «Наука», 1964. 644 с.
6. Бёрк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 64–91.

#### REFERENCES

1. Bushlia A.A. Image of doctor of Italy in the XIV century through the eyes of a contemporary (based on the example of "Invectives against a doctor" by Francesco Petrarch). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya = RUDN journal of world history*. 2019;11(3):267–276. (in Rus.) doi: 10.22363/2312-8127-2019-11-3-267-276.
2. Petrarch Francesco. Invective against the doctor (translation by V. Bibikhin). *Estetika Renessansa = Aesthetics of the Renaissance*. Comp. V.P. Shestakov. Vol. 1. Moscow; Art, 1981:13–49. (in Rus.).
3. Hilbert W. O magnet/translated from lat. A.I. Dovatura. Moscow; Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. 413 p. (in Rus.).
4. Molière J.-B. Imaginary patient. Transl. by T.L. Shchepkina-Kupernik. *Sobranie sochinenii = Collected works*. In two volumes. Vol. 2. Moscow, 1957. (in Rus.).
5. Galileo G. Selected works. In 2 vols. T. 1. Comp. W.I. Frankfur. Moscow; Publishing house "Science", 1964. 644 p. (in Rus.).
6. Burke P. Historical Anthropology and New Cultural History. *Novoe literaturnoe obozrenie = New literary observer*. 2005;75:64–91. (in Rus.).

#### Информация об авторе

А.А. Бушля – преподаватель кафедры философии, биоэтики и права, Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9768-9235>, E-mail: [all4life@mail.ru](mailto:all4life@mail.ru)

#### Information about author

A.A. Bushlia – Lecturer at the Department of Philosophy, Bioethics and Law, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9768-9235>, E-mail: [all4life@mail.ru](mailto:all4life@mail.ru)